

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

М.В. Михайловская

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИКЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: ИДЕОЛОГЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Одной из задач лингвистики информационно-психологической войны является изучение и анализ различных стратегий, тактик и методов информационно-психологической войны, предполагающих их вербальную реализацию. Особого внимания заслуживают различные методы идеологического воздействия и манипулирования общественным сознанием, среди которых стоит выделить семантическое манипулирование. Суть этого метода состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации». Одними из таких лексических единиц, обладающих контекстуально обусловленными отрицательными или положительными коннотациями и порождающих соответствующие ассоциации, являются идеологемы. Таким образом, идеологемы – неотъемлемая лингвистическая составляющая информационно-психологической войны. Благодаря присущей им смысловой амбивалентности и высокой степени ассоциативности идеологемы становятся эффективным инструментом семантического манипулирования, что может дать весомое преимущество одной из сторон в идеологической борьбе. Также идеологемы представляют объективную сложность для устных переводчиков, которые оказываются непосредственными участниками развернувшейся информационно-психологической войны наравне с ведущими политическими деятелями, озвучивающими официальную позицию государства.

Ключевые слова: информационно-психологическая война; семантическое манипулирование; смысловая амбивалентность; идеологема; синхронный перевод.

Михайловская Мария Валерьевна – старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, член Союза переводчиков России (e-mail: m_mikhaylovskaya@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Геополитические события, происходящие в мире в течение последних десятилетий, сказались на глобальной политической обстановке и привели к обострению информационного противоборства между главными их участниками. Такого рода противостояние вышло на качественно новый уровень благодаря бурному развитию информационно-коммуникационных технологий, которые в настоящее время не только приобрели глобальный характер и пронизывают все сферы деятельности, начиная с экономической, дипломатической и заканчивая военной, но и могут стать своеобразным детонатором развязывания отнюдь не виртуальных межгосударственных конфликтов. Таким образом, сложившаяся в мире обстановка не могла не заставить исследователей начать изучение природы и сущности информационной войны, которая представляет собой «самый интеллектуальный вариант военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом» [Почепцов, 2015: 8].

В настоящее время принято выделять несколько типов информационной войны, среди которых следует упомянуть информационно-техническую войну, в ходе которой воздействие осуществляется на системы связи и управления, телекоммуникационные и информационно-технические системы, и войну информационно-психологическую, воплощающую «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликтов интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сковородников, Копнина, 2016: 43]. Информационно-психологическая война «по своей сути представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [Матвиенко, 2008: 5].

Безусловно, лингвистический аспект теории и технологии информационно-психологической войны не мог не привлечь внимание исследователей. Так, группа ученых из Сибирского федерального университета предложила выделить лингвистику информационно-психологической войны (ЛИПВ), сформировавшуюся на стыке психолингвистики, нейролингвистики, прагмалингвистики, политической лингвистики, медиалингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвоконфликтологии как отдельное направление современного языкознания, «объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн, а предметом – речевые технологии (речевые стратегии, тактики,

приемы и реализующие их языковые средства), мотивированные соответствующими целями» [Сковородников, Копнина, 2016: 43].

Одной из задач ЛИПВ является изучение и анализ различных стратегий, тактик и методов информационно-психологической войны, предполагающих их вербальную реализацию. Особого внимания заслуживают различные методы идеологического воздействия и манипулирования общественным сознанием, среди которых стоит выделить семантическое манипулирование, получившее широкое распространение в конце XX в. Суть этого метода, согласно И.Н. Панарину, состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации» [Панарин, 2012]. На наш взгляд, среди таких единиц, обладающих контекстуально обусловленными отрицательными или положительными коннотациями и порождающих соответствующие ассоциации, выделяются идеологемы.

Говоря о лингвистическом понимании термина идеологема, необходимо упомянуть определения, разработанные Т.Б. Радбилем, который считал, что это «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль, 1998: 22], и Н.А. Купиной, полагавшей, что идеологема есть не что иное, как «языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина, 2000: 183]. Более того, Б. Пионтек исследует данную лексическую единицу «как концепт политического сознания этноязыкового сообщества» [Пионтек, 2010: 87].

Одной из ключевых особенностей идеологем является присущая им смысловая амбивалентность. На «несоответствие контекстуальных смыслов некоторых ключевых слов и оборотов (политического дискурса) своим референтам» указывали Х.Г. Гадамер, Н.С. Трубецкой и А.П. Сковородников [Гадамер, 1991; Трубецкой, 2003; Сковородников, 2015; 2019]. Например, А.П. Сковородников рассматривал «двойную противоречивую оценочную коннотацию» таких лексических единиц, как «элита», «реформа», «модернизация», «оптимизация», «демократия», «толерантность» и «политкорректность», на примере письменных медиатекстов, что позволило ему прийти к выводу о том, что устанавливаемые «семантические метаморфозы затрагивают иногда не только коннотативную часть семантики слова, но и денотативную» [Сковородников, 2015: 50]. Исследователь подчеркивает, что статус возникающих отрицательных оценочных

коннотаций, которые «носят не языковой, а речевой характер», можно определить как «ограниченно-дискурсивный» [Сковородников, 2015: 55].

Таким образом, идеологема представляет собой вербализованный концепт, характеризующийся смысловой амбивалентностью, т.е. обладающий метафоричностью, высокой степенью ассоциативности и двойной оценочной коннотацией, причем превалирование положительной либо отрицательной коннотации детерминировано контекстуально.

Рассмотрим ряд примеров, иллюстрирующих использование идеологемы «демократия» в российском политическом медиадискурсе в качестве инструмента семантического манипулирования, т.е. в качестве лексической единицы, порождающей конкретные ассоциации, которые, в свою очередь, программируют определенное восприятие информации реципиентом. Приведем классическое определение вышеупомянутой идеологемы, позаимствованное из «Новейшего политологического словаря». Итак, демократия (букв. – народовластие, от греч. *demos* – народ и *kratos* — власть) – форма политической организации общества, основанная на признании народа основным источником власти [Погорелый, Фесенко, Филиппов, 2010: 85].

Проанализируем, как менялась оценочная коннотация данной лексической единицы, на примере выступлений ведущих российских политиков. Приведем фрагменты Посланий Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию, прозвучавших в 2004² и 2005 гг.³:

«...Наши цели абсолютно ясны. Это – высокий уровень жизни в стране, жизни – безопасной, свободной и комфортной. Это – зрелая демократия и развитое гражданское общество».

«Главной политико-идеологической задачей считаю развитие России как свободного, демократического государства. [...] Многие тогда думали, многим тогда казалось, что наша молодая демократия является не продолжением российской государственности, а ее окончательным крахом. [...] Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром. [...] Убежден, для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей».

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22494> (дата обращения: 25.04.2021).

³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 25.04.2021).

Очевидно, в эти годы в политической риторике словосочетания «зрелая демократия», «демократическое государство», «молодая демократия», «идеалы демократии», «ценности демократии» употреблялись с явной положительной коннотацией, поскольку именно демократический вектор развития определялся как приоритетный для нашего государства, и никакие геополитические потрясения еще не успели бросить тень на сам институт демократии и его главного поборника в лице Соединенных Штатов Америки.

Начиная с определенного периода идеологема «демократия» и производные от нее слова и выражения все чаще используются с коннотацией отрицательной. В качестве примера приведем заявление ныне покойного Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В. Чуркина, прозвучавшее 17 апреля 2014 г. в качестве ответа на доклад Верховного комиссара ООН по правам человека о ситуации на Украине⁴:

*«...Вот почему-то некоторые наши западные коллеги думают, что если какой-то переворот вооруженный, лучше вооруженный, то обязательно **демократы** придут к власти. Вот обязательно должен быть, так сказать, **Томас Джефферсон**, должен возглавлять все это дело. [...] Теперь вот люди эти, **псевдодемократы**, сделали они что-нибудь для того, чтобы что-то похожее на **демократию** в самом Киеве-то возникло? [...] И вот эти **демократы**, **не установив** никакой **демократии** у себя в Киеве, они теперь **демократию** [...] путем посылки вооруженных сил пытаются установить на Юго-Востоке Украины».*

В данном фрагменте достаточно эмоционального заявления дипломата можно отметить употребление следующих слов и выражений: «**демократы**», «**псевдо-демократы**», «**что-то похожее на демократию**», «**вот эти демократы**» и «**установить демократию**». Не требует доказательств тот факт, что вышеупомянутые единицы в приведенном примере пронизаны иронией и вызывают явно отрицательные ассоциации. Идеологема «демократия» в русском языке начала обрастать отрицательными коннотациями, влияющими на ее восприятие. Как это ни парадоксально, выражение «установить демократию» сегодня на практике нередко означает вторжение в независимое государство с целью смены действующей власти путем вооруженного переворота [Полубиченко, Михайловская, 2017: 125]. В. Чуркин также упоминает имя третьего президента США Томаса Джефферсона как своеобразного символа борьбы за независимость, подчеркивая контраст между тем, что воплощала в себе демократия ранее, и настоящим положением дел.

⁴ URL: <https://russian.rt.com/article/28105> (дата обращения: 25.04.2021).

Далее рассмотрим некоторые высказывания главы МИД России С. Лаврова, прозвучавшие в ходе Ежегодной пресс-конференции, которая состоялась 17 января 2017 г.⁵:

*«...Экспорт демократии и ценностей привел к тому, что мы называем «арабской весной», последствия которой мы сейчас пожинаем. [...] Делайте выводы и не забудьте, что обязательство не вести какую-либо агитацию с целью изменения политического и социального строя [...] нарушается грубейшим образом, в том числе принятым пару лет назад в Конгрессе США законом о поддержке Украины, в котором Госдепартаменту и спецслужбам прямо предписывается **насаждать** в России **демократию** как ее понимают американцы».*

В этом примере также наблюдается превалирование отрицательной коннотации в таких выражениях, как **«экспорт демократии и ценностей»** и **«насаждать демократию»**. В вышеприведенном отрывке выступления нельзя не отметить употребление еще одной идеологемы – **«арабская весна»**, которая, в свою очередь, также вызывает негативные ассоциации. Под «арабской весной» принято понимать протестные выступления в целом ряде арабских государств, спровоцированные локальным общественно-политическим кризисом, который был обусловлен одинаковыми факторами: безработица, бедность, проблемы социального обеспечения, коррупция, клановость власти [Хабриева, Чиркин, 2021: 12]. Главным требованием демонстрантов было проведение демократических реформ. Однако только в редких случаях «арабская весна» имела положительный исход для стран и их граждан. Как известно, в Ливии после свержения М. Каддафи начался хаос, унесший десятки тысяч жизней, а в Сирии «весна» 2011 г. вылилась в многолетние военные действия.

В ходе регулярно проводимых брифингов официальный представитель МИД РФ М. Захарова тоже не обделяет вниманием тему демократии. Рассмотрим небольшой фрагмент ее выступления, состоявшегося совсем недавно – 28 марта 2019 г.⁶:

*«Мы все прекрасно помним, не так много лет прошло, как и за какой короткий срок принимались решения, которые мотивировались будущим, различными благами, необходимостью **вернуть** в Ливию **демократию** и свободу. Все это делалось в интересах ливийского народа. Потом произошло то, что произошло. [...] Речь идет о большой книге – около 500 страниц. Там на каждой странице по*

⁵ URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2599609 (дата обращения: 25.04.2021).

⁶ URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3592727 (дата обращения: 25.04.2021).

несколько примеров вмешательства США во внутренние дела других государств: как они **привносят демократию**, возвращают людям свободу, меняют финансовые потоки, что они делают с энергетическим взаимодействием и т.д.»

Сложно отрицать, что словосочетания **«вернуть демократию»**, **«привнести демократию»**, отрицательная коннотация которых не вызывает сомнений, лишней раз указывают на то, что все чаще демократия ассоциируется с навязыванием западных ценностей, разрушением существующих устоев и политического режима той или иной страны и все реже отождествляется со свободой, справедливостью и равенством.

Приведенные примеры показывают, как по мере обострения противостояния между Россией и США усиливается геополитическая напряженность в мире, идеологема «демократия» и производные от нее слова и выражения все больше приобретают в российском политическом медиадискурсе явную отрицательную коннотацию. Негативные ассоциации, вызываемые этими лексическими единицами, не могут не способствовать формированию определенного общественного мнения о происходящих событиях.

Стоит отметить, что ситуация информационной войны представляет определенную сложность для переводчиков и прежде всего – для переводчиков синхронных. Проанализированные выступления С. Лаврова и М. Захаровой были переданы синхронно с русского на английский язык в прямом эфире: в первом случае перевод был осуществлен переводчиком телеканала “Russia Today”, во втором – штатным переводчиком Департамента лингвистического обеспечения МИД РФ. Интересно, что в обоих случаях при передаче идеологема «демократия» синхронисты явно избегали употребления слова “*democracy*”: **«экспорт демократии и ценностей»** – **“export of (their own) values”**, **«насаждать в России демократию»** – **“to obtrude their values on Russia”**, **«вернуть в Ливию демократию и свободу»** – **“to make freedom come back to Libya”**, «...несколько примеров вмешательства США во внутренние дела других государств: как они **привносят демократию**, возвращают людям свободу, меняют финансовые потоки...» – **“...the U.S. mingling with the domestic affairs, and all the spheres are mentioned financial, economic spheres...”** Хотя если обратиться к стенограммам выступлений, размещенным на официальном сайте МИД РФ, в текстах перевода можно обнаружить следующие способы передачи вышеупомянутых словосочетаний: **«экспорт демократии и ценностей»** – **“export of democracy and values”**, **«насаждать демократию»** – **“to impose democracy”**, **«вернуть демократию и свободу»** – **“to restore democracy and freedom”**, **«привнести демократию»** – **“to**

import democracy”. Таким образом, можно сделать вывод о том, что письменные переводчики, осуществляющие перевод стенограмм выступлений или редактирующие транскрипты выполненного синхронного перевода, сохраняют слово «демократия» и передают все выражения, его содержащие, либо дословно, либо с помощью определенных контекстуальных соответствий, при этом полностью отражая позицию говорящего, тогда как синхронные переводчики прибегают к генерализации или вообще опускают эту идеологему при переводе. Можно предположить, что в вышеупомянутых случаях перевод осуществляется для англоязычного реципиента, т.е. для совершенно другой аудитории, в восприятии которой идеологема «демократия» не обладает отрицательной коннотацией и не вызывает негативных ассоциаций. По этой причине генерализация и представляется для синхронистов оптимальным решением для передачи общего смысла высказывания. К тому же устные переводчики, как известно, стараются не обострять и без того напряженную политическую обстановку.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что идеологемы представляют собой неотъемлемую лингвистическую составляющую информационно-психологической войны. Благодаря присущей им смысловой амбивалентности и высокой степени ассоциативности идеологемы становятся эффективным инструментом семантического манипулирования, что может дать весомое преимущество одной из сторон в идеологической борьбе. Идеологемы также являются объективной сложностью для устных переводчиков, которые оказываются непосредственными участниками развернувшейся информационно-психологической войны наравне с ведущими политическими деятелями, озвучивающими официальную позицию государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
2. Купина Н.А. Языковое строительство: от систем идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1 / РАН. Ин-т русс. яз. им. В.В. Виноградова [Отв. ред. Л.П. Крысин]. М., 2000.
3. Матвиенко Ю.А. Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе // Информационные войны. 2008. № 4. С. 2–8.
4. *Новейший политологический словарь* / Авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов н / Д., 2010.
5. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2012. URL: <https://x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm> (дата обращения: 25.04.2021).
6. Пионтек Б. Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной

- языковой личности в России и Польше // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 85–95.
7. *Полубиченко Л.В., Михайловская М.В.* Устный перевод в дискурсивном аспекте: глобальный вертикальный контекст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 116–129.
 8. *Почепцов Г.Г.* Новый инструмент политики (Манипуляция сознанием). М., 2015.
 9. *Радбиль Т.Б.* Мифология языка Андрея Платонова: Монография. М.; Новгород, 1998.
 10. *Сковородников А.П.* О смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса (на материале газетных текстов) // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 50–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-smyslovoy-ambivalentnosti-klyuchevykh-slov-sovremennogo-rossiyskogo-politicheskogo-diskursa-na-materiale-gazetnyh-tekstov> (дата обращения: 25.04.2021).
 11. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1. С. 42–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 25.04.2021).
 12. *Сковородников А.П.* О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5. С. 12–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-nereshennykh-voprosah-teorii-lingvoekologii> (дата обращения: 25.04.2021).
 13. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Русский мир: Сб. М.; СПб., 2003. С. 663–737.
 14. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: Монография. М., 2021.

Maria V. Mikhailovskaia

LINGUISTICS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE: IDEOLOGICALLY-BOUND UNITS AS AN EFFECTIVE TOOL OF SEMANTIC MANIPULATION⁷

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Linguistics of information and psychological warfare explores various strategies, tactics and methods of information and psychological warfare that are meant to be verbalized in political media discourse. Special importance should be attached to manifold methods of ideological influence and manipulation of public consciousness, among which semantic manipulation represents a subject for particular scrutiny. This method implies “careful selection of words that cause either positive or negative associations and thus affect the overall perception of information”. Obviously, such

⁷ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

lexical units that have contextually determined negative or positive connotations and generate corresponding associations include, among others, ideologemes. Thus, ideologically-bound units are an integral linguistic component of information and psychological warfare. Due to their inherent semantic ambivalence and a high degree of associativity, ideologemes become an effective tool of semantic manipulation, which can give a definitive advantage to one of the parties in the ideological struggle. Moreover, ideologemes represent an undeniable challenge for simultaneous interpreters, who turn out to become immediate participants in the unfolding information and psychological war on a par with leading politicians who are supposed to voice the official position of the state.

Key words: information and psychological warfare; semantic manipulation; semantic ambivalence; ideologically-bound unit; simultaneous interpreting.

About the author: *Maria V. Mikhailovskaia* – Assistant Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, a member of Russian Union of Translators (e-mail: m_mikhaylovskaya@mail.ru).

REFERENCES

1. Gadamer H.G. 1991. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The topicality of the beautiful]. Moscow, Iskusstvo. (In Russ.)
2. Kupina N.A. 2000. Jazykovoe stroitel'stvo: ot sistem ideologem k sisteme kul'turem [Language formation: from the system of ideologemes to the system of cultures]. *Russkij jazyk segodnja*. Vyp. 1. RAN. In-t russ. jaz. im. V.V. Vinogradova. L.P. Krysin (ed.). Moscow, "Azbukovnik". (In Russ.)
3. Matvienko Ju.A. 2008. Informacionno-psihologicheskaja vojna kak odna iz form razreshenija social'no-politicheskikh protivorechij v sovremennom obshhestve [Information and psychological warfare as one of the methods to resolve social and political controversies in modern society]. *Informacionnye vojny*, no. 4, pp. 2–8. (In Russ.)
4. *Novejšij politologicheskij slovar'* [The most updated political dictionary]. 2010. In D.E. Pogorelyj, V.Ju. Fesenko, K.V. Filippov (eds.). Rostov na Donu, Feniks. (In Russ.)
5. Panarin I.N. 2012. *SMI, propaganda i informacionnye vojny* [The media, propaganda and information warfare]. Moscow, Pokolenie. URL: <https://x-libri.ru/elib/pannr001/index.htm> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)
6. Piontek B. 2010. Ideologema kak ključevaja leksičeskaja edinica obshhestvenno-političeskogo diskursa i kak koncept obshhestvennogo soznanija sovremennoj jazykovoj ličnosti v Rossii i Pol'she [An ideologeme as a key lexical unit of socio-political discourse and as a concept of the public consciousness of modern linguistic persona in Russia and Poland]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 85–95. (In Russ.)
7. Polubichenko L.V., Mikhaylovskaya M.V. 2017. Ustnij perevod v diskursivnom aspekte: globalnij vertikalnij kontekst [Discursive approach to interpreting: global vertical context]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 116–129. (In Russ.)
8. Počepcov G.G. 2015. *Novyj instrument politiki* [A new tool of politics (manipulation of the public consciousness)]. Moscow, Jeksmo, Alistrous. (In Russ.)

9. Radbil' T.B. 1998. *Mifologija jazyka Andreja Platonova* [The mythology of Andrei Platonov's discourse]: monografija. Moscow; N. Novgorod, Izd-vo NGPU. (In Russ.)
10. Skovorodnikov A.P. 2015. O smyslovoj ambivalentnosti ključevyh slov sovremennogo rossijskogo političeskogo diskursa (na materiale gazetnyh tekstov) [On semantic ambivalence of key words of modern political discourse (the case study of newspaper texts)]. *Političeskaja lingvistika*, no. 2, pp. 50–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-smyslovoy-ambivalentnosti-ključevyh-slov-sovremennogo-rossijskogo-političeskogo-diskursa-na-materiale-gazetnyh-tekstov> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)
11. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. 2016. Lingvistika informacionno-psihologičeskij vojny: k obosnovaniju i opredeleniju ponjatija [Linguistics of information and psychological warfare: the justification and definition of the term]. *Političeskaja lingvistika*, no. 1, pp. 42–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informacionno-psihologičeskoy-voyny-k-obosnovaniju-i-opredeleniju-ponyatija> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)
12. Skovorodnikov A.P. 2019. O nekotoryh nereshennyh voprosah teorii lingvoekologii [On some unresolved issues of linguistic ecology]. *Političeskaja lingvistika*, no. 5, pp. 12–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-nereshennyh-voprosah-teorii-lingvoekologii> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)
13. Trubeckoj N.S. 2003. Evropa i čelovečestvo [Europe and humanity]. *Russkij mir: coll.* Moscow, Jeksno; Saint Petersburg, Terra Fantastica, pp. 663–737. (In Russ.)
14. Habrieva T.Ja., Chirkin V.E. 2021. “Cvetnye revoljucii” i “arabskaja vesna” v konstitucionnom izmerenii: politologo-juridičeskoe issledovanie [“Colour revolutions” and “Arab spring” from the perspective of Constitution: political and legal research]: monografija. Moscow, IZiSP: Norma: INFRA-M. (In Russ.)